

СЕТЬ КАК ФОРМА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Архангельский Иван Андреевич

Аспирант, Дальневосточный Федеральный
Университет
arhaiv@gmail.com

THE NETWORK AS A FORM OF SPATIAL ORGANIZATION ON THE INTERNET AND SOCIAL STRUCTURE

I. Arkhangelsky

Summary. The article considers the problem of the development of a special subspace of social space, which is the Internet. Evidence of this is the presence in it: 1) social factors (individual and collective); 2) the designated actors occupy certain unequal social positions; 3) in the course of their interaction there is cooperation and struggle for influence, information, statuses, various kinds of capital; 4) in the Internet space there is social inequality and mobility, institutional structures, social phenomena, for example, public opinion; 5) social institutions penetrate into the Internet and function there, influencing the functioning of institutions offline; 6) for a social actor, the conditions of the Internet, even with all freedom of action, have signs of elements of social reality, which affect the further positions and interaction of actors, what external conditions relative to them. The involvement of the Internet in social transformations is confirmed by the fact that the attitude to the Internet becomes an indicator of attribution to a particular social class, the formation of structures of inequality in society. The author proves that the mechanisms of social selection have already been developed on the Internet as a medium of social interaction, ensuring the mobility and orientation of actors when choosing subjects of interaction that can be trusted. The inequality of the resources of objects and actors is determined by search engines.

Keywords: network, Internet space, network interaction, social reality, inequality, center and periphery.

Аннотация. В статье рассмотрена проблема развития особого субпространства социального пространства, которым является Интернет. Свидетельством этого является наличие в нем: 1) социальных факторов (индивидуальных и коллективных); 2) обозначенные актеры занимают определенные неравные социальные позиции; 3) в ходе их взаимодействия происходит кооперация и борьба за влияние, информацию, статусы, разного рода капитал; 4) в пространстве интернета имеется социальное неравенство и мобильность, институциональные структуры, общественные феномены, например, общественное мнение; 5) в Интернет проникают и функционируют там социальные институты, осуществляя влияние на функционирование институтов офлайн; 6) для социального актера условия Интернета, даже при условии всей свободы действий, имеют признаки элементов социальной реальности, что влияют на дальнейшие позиции и взаимодействие актеров какие внешние относительно них условия. Включенность интернета в общественные преобразования подтверждается тем, что отношение к интернету становится индикатором отнесения к тому или иному социальному классу, образования структур неравенства в обществе. Автором доказано, что в интернете как среде социального взаимодействия уже выработаны механизмы социальной селекции, обеспечивающие мобильность и ориентацию актеров при выборе субъектов взаимодействия, которым можно доверять. Неравенство ресурсов объектов и актеров определяется поисковыми системами.

Ключевые слова: сеть, Интернет-пространство, сетевое взаимодействие, социальная реальность, неравенство, центр и периферия.

В ходе анализа пространства Интернета нельзя обойти вниманием вопрос иерархии, то есть преобладающей горизонтальности или вертикальности организации, и связанное с этим вопрос о наличии центра и периферии. Невозможно рассматривать этот вопрос вне рассмотрения феномена сети и характеристик обменных процессов в ней. В социологии предшественниками сетевого анализа К. Лазарсфельд, Я. Морено. Концепция социальных сетей разрабаты-

лась в трудах Л. Фримана, П. Марсдена, С. Вассермана, Б. Веллмана, С. Берковоца и др. [4].

Г. Градосельская предлагает следующую последовательность для определения сути сети (рис. 1):

Заметим, что в приведенном алгоритме есть определенная несогласованность в употреблении понятий «позиция» и «актер», когда сначала идет речь о связи

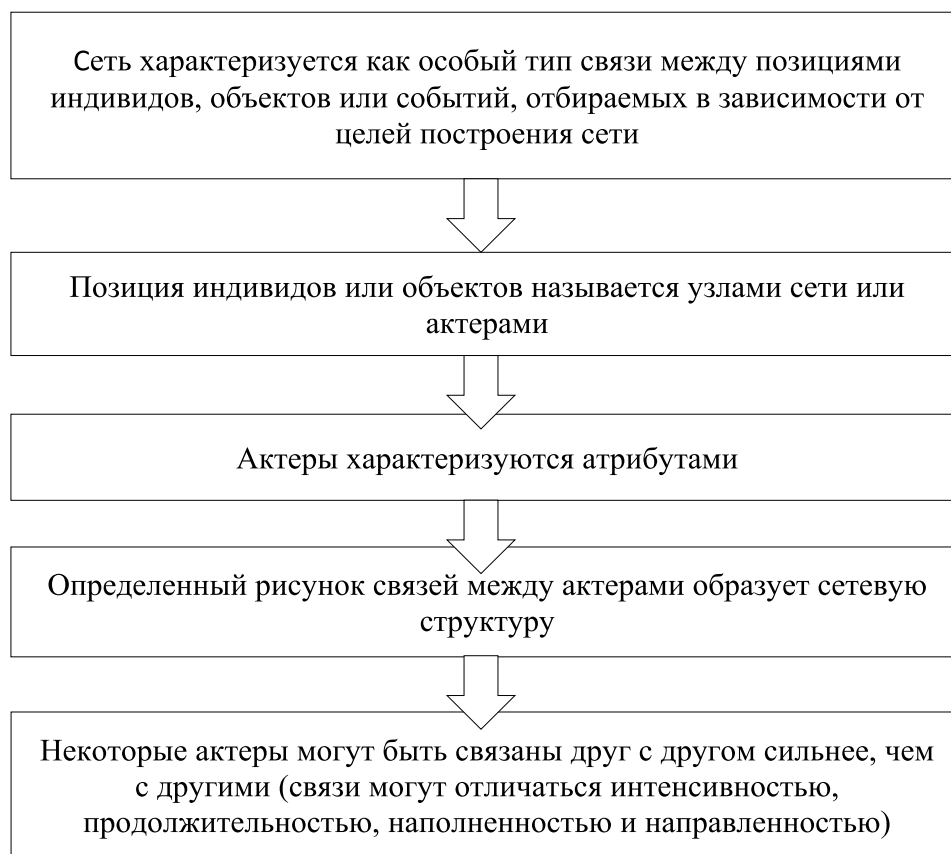

Рис. 1. Сущность сети
Источник: составлено автором по [4]

между позициями, а далее между актерами. Но мы понимаем, что между позициями в сети существуют определенные отношения, а связи устанавливают актеры, занимающие соответствующие позиции.

Такое «сгущение» можно рассматривать как узел на следующем этапе анализа, а наиболее важными, с точки зрения, как отдельных элементов, так и системы в целом, является структура отношений между актерами и позиции отдельных актеров в сети.

Графически подобные структуры изображают как точки (это актеры), которые сочетаются между собой линиями (изображают связи). Подобный графический объект называется графом. Математическая теория, изучающая свойства таких объектов называется теорией графов. В ней точки называются вершинами, а линии связей — ребрами [4]. Конечно, отражение социальных актеров и связей таким способом является упрощением, и применение этого метода имеет в социологии определенные ограничения.

Рассмотрение социальных сетей зародилось в антропологии, и было методологией рассмотрения

родственных и статусных связей. То есть, говоря «социальные сети» или «сети» в работе, в зависимости от контекста мы будем иметь в виду, или совокупность связей между людьми в реальной жизни или в интернет-пространстве, или тип электронного социального сервиса, позволяющего устанавливать между собой связи пользователям.

В работе российских исследователей Д. Губанова, Д. Новикова, А. Чхартишвили дается следующее определение: «под социальной сетью на качественном уровне понимается социальная структура, которая состоит из множества агентов (субъектов — индивидуальных или коллективных, например, индивидов, семей, групп, организаций), и определенного на ней множества отношений (совокупности связей между агентами, например, знакомства, дружбы, сотрудничества, коммуникации)» [5]. Авторы, специализирующиеся на математическом анализе таких структур, отмечают, что формально — социальная сеть представляет собой граф $G(N, E)$, где N — это количество вершин (агентов), а E — количество ребер, отражающих количество взаимодействий. Как видим, у этих авторов понятие агент является синонимом актера.

Определенный интерес представляют теоретические положения Д. Иванова о природе сети как структуры и соотношения сетей и потоков. По его мнению, концепции сетей является своеобразным ответом на проблему соотношения «структуры» и «действия». «В социологии предметный сдвиг к сетям, начавшийся в конце 1980-х, стал результатом двойного давления агентного фундаментализма и структурного прагматизма на ритуальную конфигурацию «структура-действие» [8]. Первый заменяет детерминирующую роль структур рациональным выбором индивидов, взаимодействующих избирательно и поддерживают взаимодействия на основе доверия между участниками. «В результате агентность индивидов предстает как их способность создавать социальные сети, в которых взаимодействия селективны, требуют доверия (и, соответственно, взаимной идентификации и оценки репутации участников) и устойчивы во времени» [8].

В сетях нет тотальной нормативности институтов, но в них больше нормативности и структурности, чем в интеракциях, обусловленных ситуативными интерпретациями участников взаимодействия. Хотя некоторые ученые отмечают, что интеракции в большинстве случаев опираются на стабильные формы взаимодействия и такое противопоставление не всегда возможно.

Структурный прагматизм видит в сетях новый тип структур. «Гибкие, селективные и поддерживаемые в большей степени символическими коммуникациями, а не физическими действиями, сети являются новой моделью структурности, отличающейся от институтов и групп, но такую, что не редуцируется до агентности» [8].

Рассмотрение сети как своего рода мезосоциального феномена образует континуум «интеракции — сети — институты». В неинституциональной теории подобный континуум выглядит как «рынки — сети — иерархии». Д. Иванов считает сети хорошим концептуальным решением для ситуации, когда институты виртуализируются. Он пытается рассмотреть соотношение «сетей» и «потоков». Сетевой анализ, как он считает, «дает лишь топологию социальных явлений, в которой ключевые элементы — узлы и связи образуют картину сложившегося положения» [8], то есть сеть — это фиксация отношений, но не установление процессов.

Д. Иванов отмечает, что поточный характер структур, предполагает подвижность, направленность, темпоральность. Потоки — это всегда движение «через»: через границы институтов и групп, движение вещей, людей, событий и тому подобное. Потоки образуют трансструктуры, пересекающих границы; они нарушают привычный ход событий, создавая транс-событийность. Любой поток такого рода описывается тре-

мя характеристиками: направленностью, плотностью и интенсивностью. Направленность потока возникает от того, что в среде существует т.н. градиент, то есть неравномерность показателей определенного признака в среде, которая обуславливает направление изменений или движения, например, разница в уровне жизни обуславливает направление миграций.

В качестве примеров применения концепции потоков Д. Иванов приводит структуры «сверхновой экономики» (например, глэм-капитализм, сочетающий производства различных отраслей, но ориентированный на производство «статусных» вещей, услуг) и «сверхновых движений» («пираты», хакеры, антиглобалисты). Последние он характеризует как хаотические, конфликтные, brutальные, ориентированные на событийность, а не рутинность. «Возвращать «грубую» реальность вещей и действий в перенасыщенности имиджами и коммуникациями экономику и политику, сверхновые движения не возвращают к ним привычную социальность как интегрированность, нормативность, солидарность» [8]. Скорее они создают альтерсоциальность, в которой проявляются черты, характерные для потоков.

Теории потоковых структур нужны там, где: «... вместо регулярных и рутинных контактов в постоянных по составу и месту функционирования коллективах сопresутствию и сопричастности обеспечивается разовыми, но интенсивными по динамике действий, событиями, скоординированными через сети коммуникаций» [8].

Что касается соотношения интеракции, института, сети и потока, Д. Иванов предлагает рассматривать эти понятия в виде матрицы по соотношению пар «интеграция — селекция» и «нормативность — креативность». Сеть связана с вопросами наличия или отсутствия иерархии, и того, возможно ли выделить в сетевых структурах центры и периферию, а следовательно, с властными отношениями как возможностями воздействия.

Считается, что в сетевых структурах на первый план выходит отсутствие любого центра и иерархии. В философском плане выражением этой тенденции является описание Ж. Делезом и Ф. Гваттари ризомы [7]. Многие процессы в сети Интернет можно представить именно как ризому, например, общение в электронных социальных сетях, сеть гиперссылок между различными сайтами и тому подобное. Анализируя ризому как определенное тело без органов [7], Ж. Делез и Ф. Гваттари пытаются определить ее приблизительные свойства (табл. 1):

Ризома составляет карту, а не последовательность калек и репродукций. Авторы отмечают, что на ризоме вырастают иерархии-деревья, а деревья могут разрас-

Таблица 1. Принципы ризомы

Принципы	Описание
1) принцип соединения и неоднородности	Любая точка ризомы может быть присоединена к любой другой ее точке
2) принцип множественности	Множественность действительно рассматривается как субстантив, и нет больше никакого отношения с единым как с естественной или духовной реальностью, как с образом и миром
3) принцип незначающего разрыва	Выступает против всех слишком значимых разрезов, итак ризома может быть сломана в любом месте, но она восстановится, следуя своим линиям
4) принцип картографии и декалькомани	Заключается в том, что ризома не является ответственной ни за какую структуральную или генеративную модель; она чужда всякой идеи генетической оси в качестве глубинной структуры

Источник: составлено автором по [7]

таться в ризомы. Однако в целом ризома является «нецентрированной системой, неиерархической и незначающей, без Генерала и без организующей памяти или центрального автомата ...» [7]. Дерево — это наследственность, а ризома — это союз, альянс. Чертами ризомы являются потенциальная незавершенность и скорость изменений.

Действительно, в интернет-пространстве мы не можем найти иерархических центров, которые бы определяли в приказном порядке, кому и как действовать. Пользователь сам решает, какая информация и партнеры для общения ему нравятся или нет, он свободен «подключаться» и «отсоединяться», как от интернета вообще, так и от пользования определенным интернет-ресурсом. Гибкость и адаптабельность сети тем и обеспечивается, что к ней легко приобщиться и легко отсоединиться. В ней нет определенного координационного центра, который бы обеспечивал контроль, воля которого имела бы однозначную определяющую роль. Обратной стороной этого является то, что многое дается на откуп самоорганизации, нет центра, который был бы ответственным перед кем-то или должен был бы заботиться о ком-то. Отметим лишь, что при всей свободе действующий актер не свободен от уже существующих структур в Интернете, которые влияют на его действия. Так что в ряде случаев в Интернете власть наличествует как принуждение структуры.

Дж. Нейсбит определяет среди десяти основных тенденций современного мира движение от централизации к децентрализации и от иерархий к сетевым структурам [16]. Эти тенденции как можно ярче находят отражение в Интернете. Но, понимая сложность выделения в сетевых структурах организационных уровней, мы утверждаем, что в интернет-образованиях есть зоны, которые мы могли бы отождествить или рассматривать по аналогии с центром, периферией, а также определенными иерархическими неравенствами (стратификации).

В сети центральность и периферийность, думаем, определяется несколько иначе, если рассматривать сеть по модели «Полей» П. Бурдьё, где взаимодействуют и борются социальные актеры, и с позиции М. Фуко: «... власть находится повсюду не потому, что она все собой охватывает, а потому, что она исходит отовсюду» [10]. То есть каждый из элементов сети имеет неодинаковый вес (возможность воздействия, привлечение внимания, авторитетность), неодинаковое количество связей с другими элементами и тому подобное. И именно там, где будем наблюдать наибольшую плотность связей, наиболее влиятельных актеров (сайты интернет-изданий, самые популярные блоги, ресурсы), мы будем находить центральные образования. Противоположные явления: потеря связей, внимания, авторитетности будет перемещать актеров на периферию.

В Интернете центральность имеет функциональный характер, а следовательно — ситуационный. Приведем определение центра за Е. Шилзом. «Термин «центр» обозначает тот сектор общества, где некоторые виды деятельности и функции более сконцентрированы или более интенсивно проводятся, чем в других секторах, и который в большей степени, чем другие секторы являются фокусом внимания, озабоченности, покорения, почета или подражание» [10]. Центры, по его мнению, образуются из-за неравномерности распределения власти, богатства, знания, творческого потенциала, религиозного дара, моральных различий и т.д., а также потому, что люди обеспокоены всеми этими вещами и их накоплением. Мы считаем, что именно это определение дает возможность приблизительно определить центральные образования в достаточно изменчивой среде сети. Также ученый отмечает роль центра в формировании центральной ценностной системы» (CVS) и «центральной институциональной системы» (CIS), которая является комплексом институтов, легитимирующей CVS и ретранслирует ее [10]. Таким образом, «центры ... это, прежде всего, локусы концентрации наиболее значительных социальных действий; это такая точка (или

точки) общества, где идеи или институты, в ней доминируют, образуют пространство осуществления событий, создающих критически важные воздействия на членов общества» [10].

Понятно, что такие центры являются множественными, разными по значению и временем существования, часто ситуационными (например, деятельность лидеров мнений в социальных медиа, пропагандирующих определенную идею). Периферия перенимает определенные ценности, идеи и способы действия из центра. Так, англоязычный сектор Интернета стал местом, из которого заимствовали удачные идеи в другие сектора. Например, создание блогерской площадки «Живой журнал» как копии с «Live Journal», распространение в других секторах Интернета проектов, похожих на американский Facebook (например, VK (ВКонтакте) китайские аналоги), Classmates (российские «Одноклассники») и др.

И пусть теперь центры интернет-образований больше нельзя четко локализовать в пространстве (разве что по преимущественному месту нахождения владельцев, пользователей или тем, где именно находится сервер ресурса, в какой зоне зарегистрирован), часто они нестабильны и почти невидимы, однако в социальном пространстве Интернета мы все-таки можем определить черты центральности и периферийности.

Раньше для эффективного воздействия на структуру можно было осуществлять воздействие через высшие ступени иерархии, через единый центр. В случае сетевых структур интернета такой способ не может быть применен, потому что мы или не имеем иерархических ступеней или не можем найти единого центра. Можно предположить, что на сеть можно повлиять через наиболее весомых актеров (например, влиятельных блогеров, или активных членов сети, являющихся лидерами мнений для своего окружения), значительные узлы (сайты, занимающие топовые места в поисковике), и добиваясь, чтобы в сети нужная информация активно циркулировала.

Приведем примеры последнего. Человеку даже в анонимной сети часто присуща конформность, он стремится узнать мнение окружающих или подсознательно ориентируется на это. Поэтому актер в электронной социальной сети будет наблюдать за своим окружением: сколько именно и насколько авторитетных для него людей высказается в поддержку той или иной идеи. Если пользователь прочитает новость, и его заинтересуют комментарии к ней, то исходя из подавляющего тона комментариев и аргументов, которые в них высказываются, он может сформировать или откорректировать собственное впечатление, мнение. Именно

на этом основываются разнообразные техники манипулирования общественным мнением, специфичные для Интернета. Таковы, например, практика оставления проплаченных комментариев определенного характера. Таким занималась, например, «пятицентровая армия» в КНР: суммой в пять центов вознаграждался каждый комментарий, отрицавший определенную негативную информацию об этой стране или дискредитировал ее источник. Позже эта практика стала распространенной и в других странах. Это явление часто называют «астротурфинг», по названию компании, выпускавшей искусственную траву, которая выглядела, как настоящая. Подобное «искусственное общественное мнение» может создаваться в интересах отдельных государств, политических сил, коммерческих структур. Согласно эффекту «спирали молчания», даже если пользователь не изменит собственного мнения, он более вероятно уже не высказается в поддержку мнения, что окажется в меньшинстве или не захочет вступать в интернет-обсуждения, чтобы избежать неприятных впечатлений.

Каким же образом происходит отбор на центральные позиции и их сохранение? Селекция происходит за счет определенной самоорганизации: полезный ресурс, интересный блог привлекает пользователей, следовательно, приобретает влияние; наоборот, если сайт прекращают обновлять ресурс, имеет некачественный контент, если форум оставляют постоянные корреспонденты, например из-за засилья троллей или слишком жестких модераторов, то Интернет-ресурс передвигается на периферию. Поэтому та функция центров, что в реальном пространстве заключается в определении целей, направлении ресурсов на их решение и распределении властных полномочий действительно редуцируется в сети. Центр сгущения быстро концентрируется и разрушается.

Не все элементы сети одинаково связаны с окружающими, поэтому в социальной сети образуются своего рода кластеры, между элементами которых связи (дружественные отношения, ссылки и перепосты в соцсетях и блогах) куда более интенсивные, чем с окружающими. На циркулирование информации в таком случае влияет размер кластеров, количество связей, сочетающихся скопления с другими кластерами и отдельными пользователями. Существующие программные средства позволяют, например, визуализировать блогосферу определенной страны или ее часть и выделить в ней наиболее важные элементы, исследовать однородность сетей или их кластеризованность.

Обратимся к истории анализа социальных сетей. Первые попытки применить сети в качестве социологической концепции были сделаны еще в 30-х годах XX века. После перерыва проблема была поднята

в 1960-х английскими антропологами. Исследователи Манчестерского университета начали рассматривать сети как конкретную форму социальной структуры [17]. К. Митчел описывал социальные сети в терминах «персонального порядка» — образце связей между индивидом и остальными и связей, существующих между остальными. Ученый отмечал, что сети развиваются из взаимодействий (коммуникативных и инструментальных). Этот исследователь популяризировал ряд концепций для понимания процессов в сети: обратил внимание на реципроктность (взаимный обмен), степень, в которой связи и связанные с ними обязанности признаются участниками; силу/интенсивность — прочность, стабильность связей, где «сильные связи» обычно означают повторяющиеся, многочисленные, и частично пересекаются обязанности; продолжительность связей во времени [17].

Но манчестерские исследователи столкнулись с аналитическими проблемами, ибо у социальной жизни все взаимосвязано и физически невозможно рассмотреть все связи и подсети, вычленив их. В результате они склонялись к варианту, когда сетевой анализ рассматривает лишь интерперсональную сферу, остающуюся после отвержения формальных экономических, политических ролей и т.п. [17]. Существенными чертами анализа социальных сетей выступают следующие положения:

1. анализ концентрируется на поведении и действиях индивидов в сетях;
2. сети принципиально универсальные (склонность к изучению эгоцентрических сетей была скорее методологическим, а не онтологическим принципом);
3. сети не влияют на идентичность их индивидуальных компонентов, люди объединены в структуры, но сохраняют индивидуальные цели и идентичности;
4. сети формируются стихийно, под собственным выбором через взаимодействие индивидов, но их модели специфичны в культурном отношении;
5. сети не могут быть сведены к стремлениям индивидов, их образующих [17].

Значительное распространение анализ социальных сетей получил в США. Он представителем является М. Грановеттер, который исследовал роль «сильных» и «слабых» связей в поисках работы. Он рассматривал связи как ресурс, который можно активизировать по необходимости. Коммуникационный базис сетей в рамках американской традиции привел к отказу от британского разграничения организационных и межличностных сетей. В американской традиции отошли в тень концепции «реципроктности» и «прочности», оставив на пер-

вом месте «силу» или «интенсивность». Если в британской традиции ограничение сетей выступает скорее методологической необходимостью, а не описанием их природы, то у представителей американской — сети ограничены и являются формой социального капитала, дающие возможность действовать. Как и британцы, американцы считали, что идентичность индивидуальных компонентов сохраняется после вхождения в сеть, и действие выходит из узлов, а не связей или сети в целом [17].

Следующим шагом стало появление актер-сетевой теории. Для нее центральной стал тезис о том, что материальное и социальное взаимообуславливают друг друга, сплетаясь в разветвленную сеть социально-технических отношений. Б. Латур призывает рассматривать предметы как «актанты». Последние определяются как «существа или предметы, участвующие в процессе в любом виде и в любой роли, пусть даже в качестве простых фигурантов или самым пассивным образом» [3]. Вещь понимается здесь как «ансамбли отношений» (Б. Латур) или «эффекты отношений» (Дж. Ло).

«Актантное» описание объекта позволяет рассматривать его не просто как элемент в гетерогенной сети отношений, но как составляющую сети действий и взаимодействий. Так, деятельность конторы невозможна без дверей, стен, стульев, стоек, задают рамки взаимодействия, а также бумаги, формуляров. Все это создает фреймы, «задающие ограничение взаимодействия в пространстве и времени, выступая одновременно и как «матрица возможных событий» и как «схема интерпретации происходящего» индивидами, которые взаимодействуют» [3]. Если фреймы локализуют деятельность, то социальные действия имеют и характеристики, глобализирующие ее, связывая с другими элементами, местами, временами, актерами — «если «фрейм» — это «редуктор интеракции», то «сеть» — ее «дистрибьютор» [3].

В фокусе внимания подхода «гетерогенные сети», состоящие из людей и предметов, находящихся в постоянном взаимодействии. Общество здесь рассматривается как ассоциации материальных и нематериальных элементов, приобретающих свои свойства благодаря индивидуальности каждого элемента, их отношений [3]. Относительно пространства в этом подходе отдается абсолютное преимущество лейбницанской точке зрения, то есть пространство не предшествует телам. Пространство и время порождаются отношениями между самими сущностями, поэтому они являются множественными и разными. Например, пространство Интернета создается, когда добавляются новые сайты, которые при помощи ссылок сочетаются с другими, привлекают новых пользователей в свои со-

общества — сайт начинает функционировать как место в социальном пространстве Интернета; пространство социальной сети создается, когда новые пользователи присоединяются к сервису, устанавливая связи с другими пользователями, основывают новые группы внутри сети. Если бы сайтов в Интернете не существовало, если бы из-за них не могли бы взаимодействовать люди, то и социального пространства Интернета не существовало бы.

На определенном этапе сети начали рассматриваться как образование глобального масштаба. Эту проблематику исследовали М. Кастельс, М. Хард и А. Негри [14; 15]. М. Хард и А. Негри отмечают, сети в современном обществе включают все элементы, а не только избранные как у М. Кастельса. Сети для них плюралистичны, основаны на включении и конкуренции. Компоненты сети могут действовать более или менее самостоятельно, производя пространство, значение и намерения. У этих авторов сеть более всего реализована на примере бунта, где индивидуальное поведение спонтанно, но порядок — продукт множества, разнообразия, а не индивидуальных актеров. Логика сетей проявляется на наднациональном уровне, через распространение наднациональных организаций (ЕС, НАТО, МВФ и др.). Эти организации, по мнению авторов, объединены логикой, по которой их можно назвать империалистическими, ибо они ориентированы на построение «всеобщих республик», сетей власти и контр власти, структурированных архитектурой, ориентированной на включение и рост, а также на логику капитала, ориентированная на экспансию. В таких «империях» трудно сказать, где локализована власть. Здесь себя проявляет сетевой эффект: власть распространяется не от центра или нескольких центров, она распределяется постоянно, неравномерно и независимо. Узлы сети гетерогенные в плане цели и состава. Даже главные враги общества имеют сетевой характер: террористические сети, сети наркотрафика и тому подобное.

М. Хард и А. Негри отмечают, что сеть — это также способ организации атакующей толпы. Ибо в ней нет центра, она анархична, случайна, не наделена разумом. Авторы сравнивают такую толпу с нападением насекомых в фильмах ужаса. Функция мышления перемещается между несколькими узлами, то есть разум локализован в связях.

Для анализа сетей широко применяются математические методы и программное обеспечение, которое их реализует. Как сети представляются интернет-сообществу, блогосфере, электронные социальные сети, интернет-страницы и гипер-ссылки, их связывают. Анализ социальных сетей или Social Network Analysis на Западе направлением активно развивающейся прикладной

социологии [6]. Для сетевого анализа применяют такие программные продукты как Gephi, NodeXL, ORA и много других. Эти программы позволяют визуализировать социальный граф сети [9].

Природа интернет-структур не может быть рассмотрена вне специфики интернет-взаимодействий и субъектов, включенных в них. Интернет предоставляет возможность пользователям формировать, создавать контент, способствует распространению горизонтальной коммуникации, базируется на возможности и часто необходимости, самому искать и выбирать необходимую информацию. Всемирная сеть предполагает, что ее пользователь активным субъектом, хотя его активность обусловлена многими факторами (это может быть и активность в смысле избегания), и не свободна от манипуляций [1].

М. Кастельс обращает внимание, что интернет дает больше возможностей найти или создать для себя место, позицию в виртуальном социальном пространстве, найти единомышленников, например, через общение на форуме, ведение блога и др. [11].

Интернет также создает условия для кооперации. Разнообразные краудфандинговые и краудсорсинговые проекты демонстрируют, как Интернет становится пространством создания новых структур, в том числе тех, которые выходят за пределы виртуального пространства. Интернет, сводя к минимуму расходы на социальные интеракции, связанные с преодолением физического пространства, дает возможность взаимодействовать, не находясь физически рядом [12]. Последнее не может не влиять на изменение качества взаимодействий.

Сетевые структуры Интернета, с одной стороны, чрезвычайно расширяют возможности для взаимодействия, а с другой, делают связи поверхностными, такими, что продолжают пока есть выгода, в значительной степени убирают компонент ответственности [2].

К фактам, также не способствующим кооперации, относится проблема «безбилетников», то есть лиц, пользующихся ресурсом, созданным коллективными усилиями, но сами не делают вклада в существование определенного общественного блага.

М. Кастельс и Б. Уэлманн предлагают термин «сетевого индивидуализма» для характеристики ситуации в современном западном мире в реальной социальной жизни и Интернете. Это тип социальной структуры, при котором «именно индивидуумы строят свои сети, онлайн-овые и оффлайн-овые, опираясь на свои интересы, ценности, склонности и проекты» [11]. Несмотря

на удачность этой концепции для описания структур интернет-пространства, абсолютизация индивидуализма является несколько преувеличенной, ведь характеристики индивидов как членов социальных групп с определенным опытом и ценностями влияют на их поведение в Интернете. Сайт или страница в соцсети, позиционирует себя как форум или группа определенного города, будет объединять, прежде всего, жителей города; пользователи посещают сайты своей профессиональной граждане стран и в интернете часто действуют, исходя из позиций своих стран.

Большинство современных сообществ — это предметы выбора, не существующие долго или не очень долго владеют вниманием своих членов [2]. Это касается и интернет-сообществ.

Б. Уэллман предложил определение сообщества: «это сети межличностных связей, обеспечивающих социальное взаимодействие, поддержку, информацию, ощущения принадлежности к группе и социальную идентичность» [11]. Это же мы можем отнести и к интернет-сообществу. Согласимся, что сообщество можно изобразить как совокупность связей, однако природа сообщества и сети все-таки различается.

М. Кастельс вслед за Б. Уэллманом подчеркивает, что главным моментом здесь является переход от общества к сети как основной формы организации взаимодействия. И если сообщество основывалась преимущественно на общности ценностей и социальной организации, то сети строятся на основе выбора и стратегии социальных деятелей, которыми могут выступать отдельные лица, группы [11].

Важным фактором для понимания функционирования подобных сетей-сообществ в интернете является

рассмотрение индивидуализма, как фактора, способствующего подобным структурам. Интернет дает возможность завязать слабые связи через общение на форумах, в социальных сетях и тому подобное. Интернет также может помочь в поддержании и прочных связей. Например, общение с родственниками и близкими людьми через соцсети, Skype, когда обстоятельства (например, трудовая миграция) делают такую связь наиболее доступной по сравнению с другими на довольно продолжительное время [13].

Итак, вместо выводов ответим на главный исследовательский вопрос: Как согласуются между собой институты, сети и потоки в виртуальном пространстве? Все три элемента порождают структуры в интернете и связаны с порядками неравенства. Сети и потоки могут, как функционировать внутри институтов и институциональных комплексов, так и пересекать их границы, включаться в их деятельность лишь определенными аспектами. Потоки могут быть многослойными и иметь своих операторов. Так, в рамках онлайн-медиа видим разные уровни: локальные и региональные медиа, общегосударственные и глобальные СМИ, которые связаны между собой потоками информации. Они соединены в общую сеть ссылками, включенностью в социальные сети. В то же время сервисы социальных медиа не могут быть отнесены однозначно ни к институтам. Изменения экономических, политических, культурных институтов, но включены в деятельность институтов всех сфер, становясь средой движения потоков разного рода капитала. Можно сделать предположение, что взаимодействие сетей и потоков, пересекающих границы институтов, кое-где «размывает» их границы (а, следовательно, и возможности институциональной регуляции), выступает источником институтогенеза, изменений в институтах, «институализирующих действий» индивидов и сообществ индивидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланова А.И. Сообщества в сети Интернет: формирование и развитие (социально-философский анализ) ... дис. канд. философ. наук. Уфа, 2014. 148 с.
2. Бауман З. Текучая современность; пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочкова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Вахштайн В. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2004. Т. 3, № 4. С. 94–115.
4. Градосельская Г.В. Анализ социальных сетей: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. социол. наук: спец. 22.00.01 «Теория, методология и история социологии». М., 2001. 21 с.
5. Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Физматлит, 2010. 228 с.
6. Давыдов А. Системная социология: Social Networks Mining. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1033.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения; пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
8. Иванов Д.В. К теории потоковых структур // Социс. 2012. № 4. С. 8–16.
9. Исследование социальных сетей как площадки социальной коммуникации рунета, используемой в целях предвыборной агитации / М.Д. Розин, В.П. Свечкарев, С.Д. Конторович, С.В. Литвинов, В.И. Носко. URL: http://ivdon.ru/uploaddir/articles.397.big_image.doc.

10. Каспэ С. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2007. 320 с.
11. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе; пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: Гос. ун-т. Высш. шк. экономики, 2000. 606 с.
13. Митичева Т.И., Маслова В.С. Проблема активности молодежи в социальных сообществах Интернет-сети // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2015. № 5(95). С.126–128.
14. Негри А., Хардт М. Империя; пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисов. М.: Праксис, 2004. 440 с.
15. Негри А., Хардт М. Множество: война и демократия в эпоху империи; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
16. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. URL: <http://iph.ras.ru/elib/0628.html>.
17. Cavanagh A. Sociology in The Age of The Internet. Maidenhead, Open University Press, 2007. 224 p.

© Архангельский Иван Андреевич (arhaiv@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет